

Выбор или отложенный выбор?

© 2017

Г.Д. Толорая

В рамках полемики с предыдущим текстом К. Асмолова автор высказывает мнение о текущей ситуации и вариантах решения северокорейской ядерной проблемы. Анализируются позиции ключевых участников с точки зрения безопасности в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: ракетно-ядерная проблема КНДР, полемика, проблема выбора, региональная безопасность.

Десятилетия, прошедшие после прекращения боевых действий в рамках Корейского конфликта — одновременно и гражданской войны, и межсистемного столкновения в рамках биполярного мира — несколько не изменили суть происходящего на Корейском полуострове. Наступающие с неизбежностью смены сезонов обострения выпукло подчеркивают тот факт, что Корейская война (как по сути, так и юридически) не закончена. Ни одна из сторон в ходе событий шестидесятилетней давности не добилась желаемого, но каждая надеется, что находящаяся, по ее мнению, на ее стороне «историческая справедливость» рано или поздно восторжествует. Вместе с тем сегодня это скорее «идеологическая подкладка» выработки внешнеполитических доктрин, а последние ориентированы на более приземленные и реалистичные цели. Для КНДР это — выживание. Для РК — подчинение оппонента и его «мягкая посадка», то есть спокойное продвижение к включению Севера в зону своего влияния.

При этом РК и США (особенно в период президентства консервативных лидеров РК Ли Мён Бака и Пак Кын Хе) исходили не только из исторической предопределенности «коллапса коммунистического режима», но и веры в то, что одномоментное объединение Кореи (читай — ликвидация КНДР как государства и оккупация ее территории) случится в обозримом будущем. Из-за этого администрация Б. Обамы тоже не считала необходимым предпринимать что-то для решения ядерной проблемы КНДР в надежде на то, что со сменой режима она решится сама собой, и этот процесс надо лишь сделать минимально болезненным путем изоляции и удушения режима в целях его ослабления и естественного отмирания. Хотя здравомыслящие политики в обеих странах опасались неизбежного хаоса даже в случае «мягкой посадки» режима и негативных последствий для РК, они все же смиренно принимали неизбежность такого «исторического выбора».

Резкое обострение кризиса вокруг корейской проблемы, которое произошло в 2017 г, когда благодаря неуклюжим попыткам Д. Трампа решить ее «с наскока» и авантюрной игры Ким Чен Ына на повышение ставок, по сути, лишь подчеркнуло неизбежность трудного выбора, рассмотрению которого посвящена статья К. Асмолова. Выбор этот до примитивности прост — воевать или договариваться. Главные действующие ли-

ца на сегодня — США и КНДР. Сеул в силу ряда причин оказался в положении «водителя на заднем сидении», а Китай и Россия обладают возможностью лишь влиять на выбор, но не определять его.

КНДР готова и к тому, и другому исходу — и в этом сила ее позиции. Она торопит выбор. Автор справедливо отмечает, что Северная Корея рассчитывает на то, что когда она «проскочит» окно уязвимости, Соединенные Штаты будут вынуждены договариваться с ней ввиду невозможности силового ответа, и затем отношения двух стран будут развиваться по модели американско-советского или американско-китайского противостояния. КНДР полагает, что для нее вполне достижим пакистанский статус.

Так что со стороны Северной Кореи выбор сделан, и он однозначен: принудить, на основе стратегического равенства, а не с позиции «младшего» собеседника, противников к формальному подведению итогов Корейской войны. Это предполагает существование КНДР как самостоятельного государства, ее признание и предоставление ей реальных гарантий безопасности, а также возможностей для развития.

Тем не менее, автор упустил из виду, хотя и кратко упоминает об этом, возможность качественного скачка — получение КНДР способности не только закрепить, но и изменить статус-кво на Корейском полуострове. Благодаря созданию МБР и термоядерной боеголовки (хотя пока что реальность этого подвергается сомнению) она получит возможность (под прикрытием своего «термоядерного зонтика» и способности ко второму ответному удару) совершить насильственные действия в отношении Юга Кореи и попытаться завершить «историческое дело воссоединения Родины». Никто не поручится, что у Кима-третьего нет амбиций стать великим объединителем Кореи.

Если пофантазировать в духе голливудских боевиков, расчет может быть сделан на то, что если КНДР проведет молниеносную десантную операцию по захвату власти в Сеуле, американцы побоятся и не успеют среагировать из-за угрозы того, что ядерная ракета КНДР прилетит в Лос-Анджелес. А деморализованная южнокорейская армия, понимая, что на помощь опасаящихся возмездия заокеанских союзников рассчитывать не приходится, просто не станет драться. Да и население может особо не протестовать, если новая «истинно национальная» власть гарантирует в рамках конфедеративного устройства («одна страна — две системы») сохранение собственности, экономической системы, привычных ценностей и образа жизни (за исключением разве что политических прав), а еще и накажет «коррупционеров и олигархов», особой любовью в обществе не пользующихся. Китай и Россия с облегчением признают новую реальность, понимая, что с ядерным государством лучше не связываться, а влияние американцев в Азии в результате ослабнет.

Одна такая возможность («страшилка») позволит КНДР шантажировать окружающих, чувствуя свой иммунитет за ядерным щитом. Таким образом, мы имеем дело с ситуацией нового стратегического баланса.

США же не готовы ни к одной из альтернатив: ни воевать, ни договариваться они не хотят. Как правильно указывает автор, политика «стратегического терпения», то есть пассивность в принятии стратегического решения, пока никуда не делась. Со стороны США она продолжается, лишь слегка изменив «обертку»: Север по-прежнему пытаются придушить при помощи как международных, так и односторонних санкций.

Накал этих попыток достиг невиданной остроты, вовлекая в противостояние не только США и КНДР, но и другие государства, включая Китай и Россию. По логике США — «кто не с нами, тот против нас». США, таким образом, идут ва-банк, утверждая, что экономическая блокада заставит КНДР «попросить пощады» (или, может быть, просто ведут предвоенную подготовку по ослаблению противника). Принятие очередного пакета санкций СБ ООН 11 сентября 2017 г. на 90% лишило КНДР легальных источников получения валюты, хотя благодаря усилиям России энергетическая блокада все же КНДР пока не грозит, есть лазейки и в отношении экспортно-импортных операций.

Вместе с тем вряд ли стоит поддаваться панике и принимать за чистую монету психологическое давление с обеих сторон — как обещания «моря огня», «боли и страданий для Америки» с северокорейской, так и «огня и ярости» с американской. Не хотелось бы соглашаться с точкой зрения автора, что у воинственного подхода больше аргументов, чем у диалога, поскольку ни личностный фактор, ни дезинформированность лиц, принимающих решения, все же не могут перевесить элементарного инстинкта самосохранения американского военно-политического истеблишмента.

Конечно, полностью силовой сценарий не исключен, и это может быть не только непреднамеренная эскалация случайного конфликта. На наш взгляд, даже попытка США сбить северокорейскую ракету не обязательно перерастет в полномасштабную войну: КНДР в ответ может нанести ограниченный симметричный удар по американскому или «военному активу», и стороны вовремя одумаются.

Значит, остается договариваться, что для США безумно сложно. Во-первых, в США есть иррациональные внутривнутриполитические фобии, которые культивировались там десятки лет — демонизация режима, его ядерное оружие. Во-вторых, как указывают эксперты Стратфор, «позволить Северной Корее обрести ракетно-ядерное оружие большой дальности после десятилетий заверений в том, что этого не случится, фундаментально меняет ситуацию в обеспечении безопасности США. Дело в изменении восприятия силы и влияния США и способности выполнить обязательства перед союзниками. Слова мало что стоят без подкрепления конкретными действиями, и такая ситуация чревата ущербом»¹.

Конечно, фактическая «капитуляция» перед северокорейским шантажом, признание де-факто ядерного статуса КНДР и переход к политике «холодного сдерживания» в отношении Севера чреватые весьма неприятными для США последствиями, которые автор правильно вычленяет: серьезный удар по режиму нераспространения ядерного оружия и «эффект домино», удар по возможностям Америки как мирового гегемона на основе ядерной монополии, негативные внутривнутриполитические / репутационные последствия («сделка с дьяволом»), отсутствие при этом гарантий того, что такая сделка остановит рост «северокорейской угрозы миру» и «шантажа» мирового сообщества, ослабление или даже распад военных союзов в Азии. Но все же это — меньшее зло по сравнению с угрозой физического уничтожения значительной части Южной Кореи, Японии, а может быть, и американских территорий, и гибели миллионов граждан, в том числе и США.

Наиболее интересен, хотя и спорен, раздел статьи, анализирующий возможные опции для Китая, выбор которого может решающим образом повлиять на развитие ситуации и поведение «главных дуэлянтов» Таких вариантов автор предлагает три:

«1. Китай сохраняет Северную Корею, но меняет тамошний режим на прокитайский.

2. Китай признает ядерный статус КНДР и отказывается от мер, направленных на ее сдерживание, содействуя таким образом существенным изменениям миропорядка.

3. В союзе с Соединенными Штатами Китай ведет дело к смене режима, предполагающей неизбежное поглощение Севера Югом».

Нам представляется, что наиболее вероятным выбором Китая все же будут усилия по сохранению статус-кво, недопущение военного решения со стороны США на фоне отказа от реальных попыток жестко повлиять на северокорейский режим и нежелания создавать прецедент смены режима. Китай четко заявил, что вмешается в случае агрессии США, тем самым обозначив неизбежность превращения локального конфликта в мировой, если США попытаются статус-кво изменить. Вместе с тем китайцы все более жестко «нагибают» Пхеньян, не останавливаясь даже перед ущербом для себя, в том числе и возникновения напряженности в отношениях с союзниками, включая Россию.

Автор правильно описывает дилеммы, стоящие перед китайским руководством. В случае поддержки режима, к чему КНР по-прежнему склоняется, несмотря на аллергию к нему, неизбежно ухудшение отношений с главным геополитическим противником, усиление позиций США в регионе под предлогом северокорейской угрозы, распростра-

нение на Китай тех или иных санкционных мер, размытие «статус-кво, построенного как на авторитете ООН, так и на концепции нераспространения ЯО, теоретически ограничивающей ядерный клуб большой пятеркой» (появление ядерных Японии, РК и Тайваня вряд ли в китайских интересах).

В случае «предательства условного вассала» удара по престижу КНР и потери лица тем более не избежать, а последствия еще хуже: это потеря буферной территории и серьезное усиление американской позиции, возможное возникновение агрессивного корейского национализма. Китай становится объектом не только для потока беженцев, но и для потенциальной организованной преступности или террористических организаций, считает автор. Китай вынужден лавировать, чтобы режим сохранить.

Однако реальная политика строится по гораздо более простой логике: часто эта логика находится под воздействием случайных или иррациональных факторов, а поэтому сложные многоходовые комбинации и построения, как правило, не больше, чем «игра ума» или компьютерная игра. Поэтому надо исходить из того, что для Китая Северная Корея важна как «враг врага» или некое буферное пространство между американскими войсками в Южной Корее и территорией Северо-Восточного региона КНР, и китайское руководство видит главную угрозу в том, что используя северокорейскую угрозу как повод, Соединенные Штаты будут усиливать свои позиции в регионе и наращивать там военную инфраструктуру, направленную не столько против КНДР, сколько против КНР. Китай скорее будет избегать втягивания в конфликт на невыгодных для себя условиях, чем подыгрывать США в реальности, пусть на словах такая поддержка может даже усиливаться.

Что касается Южной Кореи, весьма точным является наблюдение автора, что «речь идет не столько о выборе, сколько о попытке усидеть на двух стульях, стараясь не портить отношения ни с одним из влиятельных игроков». Прошедшие месяцы показали противоречивость и реактивность политики избранного в мае 2017 г. президента Мун, предлагающего (пусть это, возможно, и продиктовано благими намерениями) взаимоисключающие решения.

С одной стороны, он хочет сделать приятное Китаю в самых разных областях, с другой — форсирует размещение ТНААД, что для Китая «красная тряпка». По той же модели, приезжая во Владивосток (в сентябре 2017 г.), он возобновляет полузабытые предложения о вхождении РК в российско-северокорейский проект Раджин — Хасан и трехстороннем логистическом и инфраструктурном сотрудничестве, и при этом говорит о безусловной необходимости денуклеаризации Северной Кореи и даже войны с ней (включая отработку операций по физическому устранению руководства), что совершенно исключает всякое участие Пхеньяна в совместных проектах.

«Добавленная стоимость» анализа — рассмотрение проблемы «черного лебедя»: иррациональных факторов, связанных с искаженным представлением сторон друг о друге, недостатком правдивой информации и оценок, демонизации оппонента с обеих сторон, личностных особенностей элит.

Все это без должного анализа и глубоких знаний истории и особенностей северокорейского устройства, как показывает опыт, не в состоянии обеспечить базы принятия верных решений. Если говорить об американских и южнокорейских прогнозах политики КНДР, ситуация становится комичной и трагической одновременно: США и РК просто не в состоянии элементарно предсказать реакции режима. Такая ситуация накладывается на сохраняющееся непонимание противниками схемы поведения и мотивов друг друга, как в силу разности «операционных систем», так и предубеждений и штампов. Немудрено, что всерьез можно опасаться «прилета черного лебедя», когда непонимание и просчеты политиков приведут к непоправимой катастрофе, которую, вроде бы, никто не желал. Такого рода примеров в истории, и не только корейской, немало.

Даже в случае попыток дипломатического решения может статься, что партнер на переговорах воспринимается, в первую очередь, как противник, и значит — сам про-

цесс рассматривается как силовое противоборство и игра с нулевой суммой, а не стремление к достижению консенсуса. Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации тренд на ее раздувание будет преобладать над трендом на ее смягчение, а любые действия другой стороны будут трактоваться максимально превратно и исходя из того, что на «той» стороне — недоброжелатели, желающие нам зла. Соответственно, любая активность будет восприниматься как подготовка к провокации или уже как провокация. Так что возможности дипломатического решения тоже не стоит переоценивать. К сожалению, приходится прийти к циничному выводу о том, что политического решения корейской ядерной проблемы нет: пока режим сохраняется, страна будет ядерной.

Автор намеренно схематично рассматривает выбор России, поскольку он уже сделан. Российский выбор — безальтернативность переговорного решения и недопустимость одностороннего давления (включая «удушающие санкции») и тем более военного решения, которому Россия, видимо, будет готова противостоять самыми решительными мерами.

В отличие от Китая, Россия (правда, ей меньше терять, так как отношения с США и так хуже некуда) вынуждена работать только на сохранение статус-кво, пусть даже это будет означать появление де-факто ядерной державы на ее границах — это все же лучше полномасштабного разрушительного конфликта.

Инициированная Россией совместно с Китаем дорожная карта имеет «двойное дно»: важно начать дипломатический процесс и заморозить как северокорейскую ракетно-ядерную программу, так и наращивание военного потенциала США и союзников, а там можно добиваться результатов годами. Не факт, что позиции удастся сблизить до достижения формального консенсуса и перехода ко «второй» (договорной) стадии «дорожной карты», но сам по себе дипломатический процесс будет означать консервацию конфликта — вариант не лучший, но и не самый плохой.

При таком развитии событий останется надеяться, что смена поколений в Корее приведет в свое время к ослаблению гражданского конфликта и национальному примирению внутри Кореи, а установление нового геополитического баланса сил в результате возвышения Китая и ослабления роли США в регионе в итоге увенчается снятием угрозы военного сценария и нахождением компромисса на многосторонней основе — создания коллективной системы безопасности в Северо-Восточной Азии. Правда, и в этом случае безъядерный статус Корейского полуострова вряд ли достигим.

Но до этого далеко, а пока задача российской и китайской дипломатии — приложить скоординированные усилия, чтобы заставить противников сесть за стол переговоров. Ключ — принудить США принять соответствующее стратегическое решение, и новая геополитическая реальность, наверное, позволяет союзу России и Китая поставить перед собой столь амбициозную задачу, поскольку она жизненно важна для обеих граничащих с Кореей стран.

-
1. URL: https://worldview.stratfor.com/article/negotiating-path-dialogue-north-korea?utm_campaign=B2C_LL_Push&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=56153982&_hsenc=p2ANqtz-_VEMAZOQD